

1

— Похоже, из головы этой девчонки собирались сделать рагу.

— Журавлев! Ты как скажешь! Разве так можно?

— Да я здесь при чем? Ты же сама видишь, что ее голову в нескольких местах прорубили чем-то вроде топора. И кровищи здесь, как в мясном цехе...

— Смерть наступила примерно между семью и девятью часами утра. Точнее скажу после вскрытия.

2

Она так еще и не разобралась в себе. Покориться ли судьбе или, наоборот, взбунтоваться, прекратить это невыносимое существование, цель которого, как она уже начинала понимать, тупик, конец, черный колодец, полный змей и тухлой ядовитой воды, какой она представляла уже свою никчемную жизнь.

Вот уже два года как Таня Томникова приехала из своего Рассказово, что в Тамбовской области, в столицу и устроилась на работу в зоомагазин «Синяя собака». Хозяин магазина, Виктор Михай-

лович Кондратьев, практически сразу объяснил скромной хорошенькой провинциалке, что только став его любовницей, она сможет продержаться на работе и даже рассчитывать на премии и ежеквартальную прибавку к зарплате.

Виктор Михайлович, невысокий, пухлый, но стремительный в движениях мужчина лет пятидесяти, белокожий, но почему-то поросший черной курчавой шерстью, лысоватый, пахнувший мылом и потом, встречался с Таней исключительно по пятницам, прямо как по расписанию, и всегда «на природе». То есть в придорожном лесочке в двадцати километрах от МКАДа. Причем в любое время года. Летом он подстилал на теплую травку толстый бежевый плед, который возил в багажнике своего «Мерседеса» в виде аккуратно свернутого рулона, а в холодное время года любовники располагались на разложенных сиденьях автомобиля на том же пледе. В теплое время года свидания напоминали какие-то нелепые, скомканные пикники с клубникой, шоколадом, грушами или дыней, зимой же вечно спешащий Виктор Михайлович потчевал свою Танечку остывшей курицей из KFC и ледяной фантой. Во время таких свиданий, которые для Тани были унижительным продолжением рабочего дня (поработала — получи денежку), Виктор Михайлович практически не разговаривал с ней. Для него эти встречи были едва ли не гигиеническими упражнениями, короткими и бурными, для Тани же — постыдным проявле-

нием своей слабости и страха остаться без работы и денег.

— Таня, ты вот уже два года работаешь не только продавщицей, но и проституткой, — говорила ее самая близкая и преданная ей подруга-землячка тоже из Рассказово, Соня Горошко, которой повезло устроиться в книжный магазин, где ее никто никогда не домогался, но где она и зарплату получала в два раза меньше Тани.

Таня не обижалась на нее, даже соглашалась. Вот только, по ее мнению, проститутки в Москве зарабатывали куда больше Тани, которой Кондратьев просто время от времени подкидывал несколько тысяч рублей, а иногда перед тем, как распрощаться с ней после поездки в лес, суетливо вручал ей пакет с продуктами, который поначалу явно предназначался для семьи, потому что там помимо колбасы и сыра, к примеру, можно было найти детские соски, бутылочки для младенцев, баночки с детским питанием или просто какую-нибудь милую игрушку.

Подруги, Таня с Соней, жили вместе, снимали двухкомнатную квартирку в Ховрино и свободное от работы время гуляли по Москве, изучали ее, осваивали чудесные парки, ходили по музеям, слушали классическую музыку в филармонии и консерватории. Личная жизнь ни у одной не складывалась. Танечка была невысокой миленькой полногрудой блондинкой с вьющимися воло-

сами, широкоскулым бледным лицом, вздернутым носиком и большими зелеными глазами. Соня же, напротив, была стройной высокой брюнеткой с ярко-голубыми глазами. Танечка была общительная, улыбчивая, Соня же и здесь своим умным пронзительным взглядом и молчаливостью создавала подруге контраст. Однако они ладили, всегда и во всем помогали друг другу и считали, что им повезло, что они таки устроились в Москве, хотя и понимали, что их жизнь в столице не сулит им никакой перспективы. Ни профессионального роста, ни даже ипотеки на самое скромное жилье в Подмосковье. Одна была надежда — выйти удачно замуж за москвича и пустить корни в Москве.

Но Соня, даже если за ней и начинал ухаживать какой-нибудь покупатель и даже назначал свидание, всегда почему-то отказывалась от него и со всех ног бежала с работы домой. Причинами такого поведения были, безусловно, ее природная застенчивость, скромность и неуверенность в себе.

Таня же, в отличие от Сони, почти всегда соглашалась встретиться с кем-нибудь, кто начинал оказывать ей знаки внимания, но сразу же понимала несерьезность намерений парня или мужчины, а потому продолжения не следовало.

— Если он понял, что ты девушка серьезная, и не позвонил снова, не предложил встретиться, — рассуждала Соня, — значит, он нам и не нужен, ведь правда?

Соня была почти всегда права. И даже если Тане порой хотелось таких вот несерьезных встреч, чтобы просто развеяться, развлечься и вместо пузатого и дурно пахнувшего тела своего хозяина с унылой вялостью импотента почувствовать объятья молодого и горячего парня, сильного и всегда готового к любви, то Соне же этого не объяснишь... Вот так и проходили дни, недели, месяцы, и нередко Тане хотелось резко изменить свою жизнь. Жить одной, а не под присмотром правильной и немного пресноватой подруги, хотелось каких-то сильных переживаний, страстей, словом, движения. Но ничего предпринять она пока не могла. Уж очень сильно зависела как от своего хозяина, так и эмоционально — от Сони.

Но время от времени она чувствовала себя комфортно и в безопасности, когда, подсев на какой-нибудь остросюжетный сериал с женскими приключениями и изнасилованиями, с тюрьмой или неразделенной любовью, разволновавшись за главную героиню, понимала, как же ей повезло, что с ней-то ничего такого не случилось и не случится до тех самых пор, пока рядом с ней Соня. В такие минуты даже постыдная связь с Кондратьевым казалась ей чуть ли не спасением от зла. Но такое случалось редко. В основном она, конечно, мечтала о переменах, о женском счастье, о том, что когда-нибудь встретит хорошего парня, выйдет за него замуж, родит детей.

Таня и Соня были сиротами. Обе росли без отца. Но если Сониная мама умерла, когда девоч-

ке было тринадцать, и ее воспитывала бабушка, то мама Тани погибла всего три года тому назад, когда водитель такси, на котором она возвращалась из Тамбова в Рассказово, заснул и машина врезалась в дерево. Обе подруги владели скромным деревенским жильем в Рассказово, дома быстро ветшали, зарастали сады... Но они не спешили их продавать, мало ли как сложится жизнь, быть может, в какой-то момент так все сложится, что именно в Рассказово они и вернутся, чтобы доживать на пенсии. Сейчас Тане было двадцать три года, Соне — двадцать четыре.

— Знаешь, — признавалась Таня Соне, — иногда мне кажется, что я прожила долгую и очень уж тяжелую жизнь. Что я старая.

— Я тоже, — со вздохом отвечала ей Соня.

...Виктор Михайлович, которого подруги между собой звали Витюшей, оставив Таню на поляне, отправился к ручью — помыться, привести себя в порядок. У него на эту процедуру уходило довольно много времени, словно он там мылся весь. И это тоже раздражало Таню. Она не понимала, зачем ему мыться в ручье, когда он может, вернувшись домой, помыться под душем. Вероятно, он боялся, что от него будет пахнуть другой женщиной, что жена почувствует это. Или же ему нравилось плескаться в ледяной родниковой воде. Странно все это было. После водных процедур и после близости с Таней он, сидя на пне прямо над ручьем, курил.

Молча курил, а Таня в это время поджидала его на поляне, уже одетая. В его отсутствие она прибиралась, собирала остатки еды в пакет, складывая его в свою сумочку, чтобы по дороге домой выбросить в расположенный рядом с домом мусорный бак. Она никогда в жизни не оставила бы мусор в лесу, даже фантик от съеденной конфеты или использованную салфетку она прятала в маленький кармашек своей сумочки, чтобы потом выбросить дома в мусорное ведро.

Она сидела на пледе, готовая к отъезду, и прислушивалась к звукам, доносящимся из леса. Время шло, вокруг стояла тишина, прерываемая гомоном птиц или мягким шелестом их крыльев, когда они вспархивали и перелетали с ветки на ветку, с дерева на дерево, и ни одного звука, предвещавшего возвращение Виктора, не было.

Таня встала, потянулась. Ей тоже хотелось поскорее оказаться дома в душе, чтобы смыть с себя запах мужчины. Хотелось снять с себя одежду и сунуть ее в стиральную машинку. Хотелось увидеть Соню, один вид которой умиротворял, успокаивал. Как же хорошо, когда ты живешь рядом с человеком, который все про тебя знает. Знает и не осуждает, а по-настоящему сочувствует. Конечно, Соня была категорически против этих встреч Тани со своим хозяином, она несколько раз высказывалась по этому поводу, но не осуждала. Пусть и не понимала, но жалела. А Таня, накупив на полученные от

любовника деньги пирожные или отбивные, возвращалась домой с видом добытчицы. Соня лишь разводила руками...

Будь Соня другой, она бы запилила Таню, заклемила ее позором, проходу бы ей не дала и настаивала бы на том, чтобы Таня сменила место работы, но в том-то все и дело, что она не считала вообще возможным активно вмешиваться в жизнь Тани. Кто не знал Соню, мог бы подумать, что ей было все равно или же она вообще радовалась тому, что у подруги есть приработок, которым она делится с ней. Но Соня... Она была ангелом, по-настоящему преданным другом, и без нее еще неизвестно, что стало бы с Таней, закружившейся в столице, сорвавшейся с оси...

Таня тоже решила закурить. Достала пачку сигарет из сумочки, прикурила. Вышла из-за кустов, сделала несколько шагов по направлению к шоссе, по которому неслись машины. Был май, погода стояла дивная, над головой пылало солнце, на небе не было ни облачка. Но Таня почему-то зябко куталась в свою любимую фиолетовую кофту, словно на ней не было кожи. Вот так она стояла, обняв себя руками и уставившись в одну точку — автобусную остановку, расположенную по другую сторону шоссе. Ярким желтым пятном пронеслась шикарная длинная машина. Кабриолет. На переднем сиденье, развалясь, сидела не менее шикарная девица в желтом платье и огромных черных очках.

Если бы не цвет ее машины, лимонно-желтый, Таня и не обратила бы на нее внимания. Мгновенье — и машина скрылась с глаз, за кустами ее уже не было видно. И Таня бы развернулась и пошла обратно на поляну, если бы не услышала визг тормозов, вскрик... Затем мотор взревел, и она поняла, что машина где-то совсем близко. Вероятно, эта девица кого-то сбила на шоссе, потом резко развернулась и решила спрятаться в лесу. Она в шоке. Она, быть может, была пьяная, а теперь протрезвела, и ей надо просто прийти в себя. Или спрятаться? А Тане-то куда деваться? А что, если эта ненормальная в желтом кабриолете сейчас на полной скорости вылетит на поляну и сшибет ее саму, Таню? Или врежется в чистого и мокрого после водных процедур расслабленного Кондратьева? Ее рука принялась машинально шарить в кармане кофты, чтобы найти телефон и позвонить любовнику, предупредить его о взбесившейся машине, но вдруг все стихло. Раздвинув ветви дикой смородины, Таня увидела спрятавшуюся между деревьями машину. Гигантским продолговатым лимоном она словно застряла между сосен. Девица, уже без очков, с красным и злым лицом стояла совсем близко от Тани и орала в трубку телефона, даже и не подозревая, что ее кто-то может услышать. Она материлась грубо и громко, обращаясь к какому-то своему доверенному лицу, пытаясь донести до этого человека, что с ней произошло. Она сбила женщину и теперь не знает, что ей делать.

Она не жаловалась, а нападала на своего собеседника, требуя, чтобы он ей сказал, как ей поступить. Вызывать ли полицию или неотложку или, наоборот, убираться поскорее с места преступления. Ей, очевидно, задавали обычные в такой ситуации вопросы: жива ли сбитая ею женщина, как она выглядит, нет ли поблизости свидетелей? Судя по ее полным гнева и раздражения ответам, выходило, что женщина какая-то «нищобродка», может, даже пьяная, и что момент наезда никто не видел. Вот после этого ей посоветовали как можно быстрее уезжать.

— Ладно, я поняла. Все. Жди меня. Господи, как же выпить-то хочется!

Таня и сама не поняла, как случилось, что она успела достать телефон, чтобы включить видео и зафиксировать ее номера. Нет, нормально! Сбила женщину, даже «Скорую» не вызвала и уехала! Гадина! И вот таким, как она, все сходит с рук.

Машина задом выкатилась из леса, резко развернулась и помчалась к шоссе. Несколько секунд — и все, нет никакой машины, никакого наезда!

Где этот Витюша? Сколько уже можно мыться или курить? Уснул он там, что ли?

И тут до нее дошло, что буквально рядом за кустами на шоссе сейчас лежит и истекает кровью сбитая богатой стервой женщина!

Таня стремительно направилась туда, откуда доносился звук тормозов и вскрик. Она бежала напролом сквозь заросли кустов, и ветки так и норовили хлестнуть прямо по лицу. Зажмурившись, она выбежала на ровное, густо поросшее травой место, откуда выбралась на шоссе. Она увидела автобусную остановку. И вот прямо перед ней, на обочине, лежало тело. Таня подошла, дрожа от страха. Неужели покойница?

Да, это женщина. Она лежала, скрючившись, на боку. На ней был серый, похожий на мужской пиджак, рукава которого были закатаны так, что виднелась матовая полоска коричневой подкладочной саржи. Старые голубые джинсы в пятнах, на ногах почерневшие от грязи некогда белые стоптанные кеды. Волосы на голове седые, спутанные. И на самой макушке мокрое темное пятно — кровь. Бомжиха! Таня включила видео, засняла лежащую женщину, после чего приблизилась к ней, присела на корточки, чтобы получше разглядеть и понять, жива та или нет. Женщина дышала. Лица ее не было видно.

— Женщина, вы как? — Глупее вопрос и не придумаешь!

Та пошевелилась, застонала. Потом неожиданно привстала и принялась озираться по сторонам.

— Вы как, спрашиваю?

— Да не знаю я... — зло пробурчала она. Вот теперь можно было разглядеть и ее лицо. Одутловатое, с нездоровым румянцем на скулах, при-